Илья Муромец в опале у Владимира

На того же солнышка Владимера
Напал войной король неверные,
Нагонил он силы много-множество.
Тот же солнышко Владимер-князь
Стал он просить Илью Муромця:
«Ой есь, старой да И<лья> Муромец!
Напал на нас король неверные,
Нагонил он силы много-множество,
Побей ты эту рать неверную!»
Сряжался старой да сподобляицця,
Седлал-уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
Тринадцату степ да лошадиную
Не ради басы — ради крепости,
Не оставил молодца да в поле доброй конь
Серым волкам да на съеденьицё,
Черным воронёнкам нынь на граеньё.
Выезжал он во чисто поле,
Бить стал эту рать неверную.
Бил рать он трои сутоцьки,
Выбил всю эту рать неверную.
Приезжат он к солнышку Владимеру,
Заходит он к ему да в светлу светлицу —
Сделал солнышко почесен пир.
На том же пиру да почесноем
Подарил старому кунью шубу.
Ходит старой нынце по полу,
Шубу за рукав да он потрехиват,
Этой шубы он да приговариват:
«Будь ты, моя шуба, сшаслива,
Будь ты, моя шуба, таланиста,
Не давай меня в победушку!»
Учули бояра да толстобрюхие,
Говорят они солнышку Владимеру:
«Ой еси, солн<ышко> Вл<адимер>-князь!

Ходит старой нынце по горници,
Твою шубу он по полу потаскиват
И шубы старой да приговариват:
„Как легко эту шубу я потаскиваю,
Та же участь будет солнышку Владимеру,
А матушку Апраксию за ся возьму“».
Поверил им солнышко Вл<адимер>-князь.
Выкопали нынце глубок погреб,
Глубок погреб да тридцать саженный,
Засадили там старого И<лью> М<уромца>,
Засадили его да во глубок погреб,
Навалили плиту тежолую,
Тежолу плиту, да плиту каменну.
Осердились руськие богатыри,
Разъехались куда надобно,
Нету при городе ни одного.
Та же матушка Апраксия
Выкопала она подкоп тайные,
Докармливат там она его, допаиват.
На тот же на стольной Киев-град
Напал войной король неверные,
Забрать ладит стольной Киев-град.
Не стало у них нынце зашчитника —
Разъехались все удалы добры молодцы,
Помореной старой голодной смертью.
Нагонил король силы много-множество.
Куда солнышко пошлёт своих послов
Искать руських богатырей,
Какого найдут — ни один не йдет:
«Погубили, грят, старого И<лью> М<уромца>,
Нашего атамана-зашчитника».
Говорит-то матушка Апраксия:
«Ой еси, солнышко Вл<адимер>-к<нязь>!
Отвали с погреба плиту тежёлую —
И не живой ли старой да И<лья> М<уромец>?» —
«Глупа ты, грит, баба нерозумная,
Волос долог, а ум-от короток:
Столько время сидит, да ладишь живому быть?»
Приходят строки короткие

От того ли короля неверные,
Говорит опять мат<ушка> Апраксия:
«Ой есь, солн<ышко> Вл<адимер>-к<нязь>!
Отвали плиту тежёлую,
Посмотрите во глубок погреб —
Не живой ли старой да И<лья> М<уромец>?» —
«Глупа ты баба, нерозумная,
Волос долог, а ум-от короток:
Столько время сидит, дак ладишь живому быть?»
Тут она помешкала и третий раз насмелилась:
«Ой есь, солн<ышко> Вл<адимер> кн<язь>!
Напрасно посожен старой да И<лья> М<уромец>.
Отвалить надоть плиту тежолую,
Посмотреть надо в глубоком погребе,
Может, взаболь жив старой да И<лья> М<уромец>».
И придумал солн<ышко> Вл<адимер> к<нязь>:
Брал он себе слуг верных,
Приходили они к глубоку погребу,
Отвалили плиту тежёлую,
Посмотрели они во глубок погреб —
Там сидит старой, как белой куропать,
Цитат он книгу Еванделё.
Говорит-то солн<ышко> Вл<адимер>-кн<язь>:
«Ой еси, старой да И<лья> М<уромец>!
Прости меня во первой вины,
Понапрасно я те посадил да во глубок погреб.
Напал нынь король неверные,
Нету у меня зашчитушки,
Розъехались все удалы добры молодцы,
Нету их да ни единого.
Ой есь, старой да И<лья> М<уромец>!
Тебя подымём из глубокого погреба,
Зашчить наш стольной Киев-град —
Нагонил король неверные,
Нагонил он силы много-множество,
Окружили наш стольной Киев-град!»
До трех раз звал солн<ышко> Вл<адимер>-к<нязь> —
Не отгибат старой да ему буйной главы,
Не говорит он с им ни одного словечика.

И заплакал солнышко Владимер-князь,
Пошел он к своей да и молодой жены:
«Ой есь, грит, матушка Апраксия!
Отвалили мы плиту тежёлую,
Посмотрели мы да во глубок погреб:
Точно, жив сидит да И<лья> М<уромец>.
Звал я его да до трех раз —
Он со мной да не словецико.
Сидит, цитат он книгу Еванделё,
Не отогнул он мне-ка свою буйну главу;
Поди ты зови его да поконайся нынь.
Понапрасно я посадил, дак он сердитця,
Потому он со мной да не словецико.
Ты поди сходи да поконайся нынь,
Не послушат ли тебя И<лья> М<уромец>».
Пошла нынь матушка Апраксия,
Приходила она к глубоку погребу,
На колени пала на сыру землю:
«Ой еси, старой да И<лья> М<уромец>!
Ты выйди из глубока погреба,
Оборони наш стольной Киев-град:
Окружила нас сила неверная,
Никого нету у нас зашчитника,
Посадили тебя да во глубок погреб —
Все розъехались руськи богатыри».
Ставал-то старой да на резвы ноги:
«Ой еси, матушка Апраксия!
Уйди пода́ле от глубока погреба».
Отошла она подальше от погреба,
Выскоцил старой да И<лья> М<уромец>,
Брал он ее да за белу шею,
Целовал он ей да лицё белое:
«Одна, говорит, меня матушка спородила,
А друга матушка воскормила.
Рад старацця — голову положить!»
Заходили они в светлу светлицю,
Говорит-то старой да И<лья> М<уромец>:
«Ой есь, матушка Апраксия!
Есь ли у мня да той доброй конь,

Есь ли приправа молодецькая?» —
«Твой доброй конь, грит,
Ест у меня пшано да белоярово,
Твоя приправа склажена во глубок погреб».
Сряжалса старой да сподоблялса нонь,
Выходил он вон на улицу.
Выводили ему добра коня,
Седлал-уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцать подпругов,
<Тринадца>ту степь да лошадиную:
Не ради басы, ради крепости —
Не оставил молодца да во поли доброй конь
Серым волкам да на съеденьицё,
Черным вороненкам нонь на граеньё.
Не видали отправки молодецькоей,
Не видали поездки богатырськоей,
Видят: во поле курева идет,
Курева идет, да дым столбом валит.
Начал косить он рать неверную,
Бил-косил он трои суточки —
Выкосил всю рать неверную.
Гонит он в стольной Киев-град
С великого, большого побоишша.
Видят старого Илью Муромца,
Что сердитой едет да И<лья> М<уромец>,
Запрятался солн<ышко> Вл<адимир>-князь,
Выскакивал он во светлу светлицю —
Нету солнышка Владимера.
Сидели тут бояра толстобрюхие,
Ждали его с большого побоишча:
Он всех выбил тут бояр да толстобрюхиих,
Почувствовал — в ногах его волочитце,
Унимат его матушка Апраксия.
Увидел он матушку Апраксию,
Брал ее за белы руки,
Ставил ее на резвы ноги.
Тут она его умаливат,
Тут она его упрашиват:
«Много выбил ты бояр да толстобрюхиих».

Прошло и его сердце ретивое,
Стал спрашивать солнышка Владимера:
«Ой еси, матушка Апраксия!
Где наш солн<ышко> Вл<адимир>-кн<язь>?»
Говорит да матушка Апраксия:
«Перепалса солн<ышко> Вл<адимир>-кн<язь>,
Скрылся-спрятался от тебя во глубок погреб».
Тогда вывели солнышка Владимера,
Пал солнышко старому во праву ногу:
«Прости, грит, меня, старой, да во первой вины».
Тогда поднял его старой да за белы руки,
Поставил его на резвы ноги
И простил его во первой вины.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.